

Труды -
-1998,
- 25 июля. - е. 5

ОН ЖИЛ

БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

Умер писатель Владимир Дудинцев

ФОТО ИТАР-ТАСС.

Менее чем через неделю, 29 июля, ему должно было исполниться восемьдесят. Большие старинные на стальной цепочке часы-луковица, которые требовалось заводить лишь раз в год, не дотянули до юбилейного срока совсем немного... Время, с которым у Владимира Дмитриевича были отношения весьма непростые, словно сыграло с ним напоследок злую шутку...

Часы-луковица — это из «Новогодней сказки» Дудинцева, рассказанной на страницах «Комсомольской правды» 38 лет назад, что же касается времени, то я имею в виду время как философскую категорию и время как историческую эпоху. Ту самую, в какой Владимир Дудинцев жил.

Сперва судьба его обладала. Не много писателей в истории литературы начинали печататься в пятнадцать лет — Дудинцев был одним из них. Зато потом жизнь не покупила на испытания. Фронт, работа очеркиста в послевоенные сталинские годы, когда каждое слово просматривалось на свет и, наконец, взорванная им в 1956 году «бомба» — роман «Не хлебом единым».

То было самое громкое литературное событие времен хрущевской оттепели. Многие тогда умилялись невиданной доселе свободой слова, не замечая, что свобода-то строго дозируется. Дудинцев первым перешел границу дозволенного и получил за это сполна. 22 октября 1956 года в переполненном зале Центрального дома литераторов состоялось обсуждение романа, и здесь уж «товарищи по перу» поучили уму-разуму утратившего чувство меры коллегу. Отвели душу. Но этого мало. В литературную полемику вмешался сам Хрущев. Руководитель государства публично погрозил пальцем зарвавшемуся писателю, но при этом признал, что читать роман ему не было скучно. Не засыпал, мол, над его страницами. Не колот себя иголкой, дабы проснуться (именно так выразился Никита Сергеевич). Словом, книга была признана идей-

но порочной, и это обрекло писателя на почти полное молчание. Лишь тридцать лет спустя появился следующий его роман — «Белые одежды», также ставший литературной «бомбой». Но времена на дворе стояли иные, автора не только не пропесочивали, а взахлеб хвалили и даже удостоили Государственной премии. Случилось это ровно десять лет назад...

В промежутке между двумя романами-бомбами и родилась на свет тихая «Новогодняя сказка» — быть может, самое выстраданное, самое мудрое, самое человеческое произведение Дудинцева. Только что, услышав горькую весть, я перечитал его — спустя более чем треть века — и убежден, что эта небольшая вещица останется в литературе навсегда.

Начинается она словами: «Я живу в фантастическом мире», и слова эти писатель с полным правом мог отнести к себе самому. Ибо фантастический мир, где человеческая жизнь измеряется веками, — одновременно и мир реальный, но при одном неременном условии: если человек «живет без передышки».

Так и жил Дудинцев. Глядя на его тяжелую сутулую фигуру, видя его усталые глаза за толстыми стеклами очков, я всегда вспоминал еще одно его признание из той же «Новогодней сказки»: «Во мне сидит наивный ребенок».

Думаю, этот ребенок так и не покинул его до последнего часа. И что с того, что время, которое он подчинил себе, отомстило-таки ему, не позволив отпраздновать в кругу близких 80-летний рубеж! Что, говорю, с того, если с нами остались не только его книги, но и его образ — образ мудреца и одновременно ребенка, его нравственно безупречная, такая трудная и такая счастливая напряженными трудами жизнь!

«Он сам победил свою смерть». Это — тоже из «Новогодней сказки». А у сказок, как известно, не бывает плохих концов.

Руслан КИРЕЕВ.